

**РАЗГРОМ ФЕРМА В 218 Г. ДО Н.Э.:
УПАДОК НРАВОВ ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАСЧЁТ?**

В ходе Союзнической войны 220–217 гг., которую вели Этолийская федерация и Эллинская лига, самым знаменательным событием военного сезона 218 г. следует считать поход македонского царя Филиппа V на Этолию. Пока царь осаждал Палы на острове Кефаления¹, этолийский стратег Доримах с «половиной этолийцев» напал на Фессалию (Polyb. V. 5. 1). Но там его встретили Хрисогон и Петрея – видимо, македонские командиры гарнизонов. Не решившись на открытое столкновение, Доримах остался в горных районах и покинул их только при известии о событиях в Ферме. Пospешив на родину, он уже не застал Филиппа в Этолии (Polyb. V. 17. 5–7).

За время отсутствия основных этолийских сил, Филипп, собрав войска в Лимнее, куда прибыло ополчение акарнанов, выступил к берегу Ахелоя между Канопой и Стратом. Его план был прост, он намеревался без отдыха идти к Ферму², чтобы застать этолийцев врасплох (Polyb. V. 6. 6). Причем его войско шло налегке (εὐζωνοί – Polyb. V. 5. 15), разоряя по дороге поля. Они прошли вдоль южного побережья Трихонского озера³, где места были довольно труднопроходимые (Polyb. V. 7. 8–12), заняли покинутую этолийцами Метапу, поднялись к Ферму и стали здесь лагерем. Отсюда Филипп посылал воинов разорять окрестные селения и грабить дома в самом Ферме. Полибий пишет (Polyb. V. 8. 8–9), что македоняне получили огромную добычу – имущество, оружие и т.п. То, что не могли унести с собой, предали

¹ По мнению Н. Хэммонда (*Hammond N.G., Walbank F.W. A history of Macedonia. Oxf., 1988. Vol. 3. P. 379*), Филипп высадился на Кефалении в мае-июне.

² Ферм был расположен между р. Эвеном и озером Трихонием в труднодоступной местности. С давних времен он считался священным, а по мере расширения союза приобрел культовое значение в масштабах лиги. Здесь ежегодно во время осеннего равноденствия проходило собрание этолийцев. См. также: *Власюков С.Ю. Этолийское народное собрание // ААе. 2005. Вып. 1. С. 112*; *Сизов С.К. Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз. Н. Новгород, 1990. С. 51.*

³ Говоря о маршруте Филиппа, Ф. Уолбэнк обвиняет Полибия в топографических неточностях: *Walbank F.W. A historical commentary on Polybios. Oxf., 1957. Vol. 1. P. 543 ff.* Против: *Pritchett W.K. Studies in ancient Greek Topography. Berkeley; Los Angeles; L., 1989. Part VI. P. 126–140.* Он полагает, что Полибий довольно точен.

огню (Polyb. V. 9. 2–3). Были организованы поджоги храмовых строений, портиков, разбиты статуи (не изображавшие богов и не посвященные им).

Обратный путь был сложнее, пришлось идти с арьергардными боями. Маршрут Филиппа пролегал через Ферм, Памфий, Метапу, Акры, Конопу и Страт (Polyb. V. 13. 1–2). В теснинах этолийцы, насчитывавшие 3 000 человек под командованием трихонийца Александра, напали на замыкающие ряды македонян. Филиппу пришлось организовать засаду, чтобы неожиданным контрударом обратить врага в бегство (Polyb. V. 13. 3–6). Памфий был сожжен, Метапа разрушена. Однако в Страте македонян ждал другой отряд противника в количестве 3 000 пехоты, 400 всадников и около 500 критян (Polyb. V. 14. 1). Двинувшись мимо города к Лимнее, Филипп отбил атаку этолийцев и, хотя и с потерями, дошел до берега (Polyb. V. 14. 3–7). На этом поход успешно был завершен.

В историографии нет однозначной оценки действий Филиппа в этот военный год. По мнению В. Тарна⁴, например, разорение Ферма в условиях, когда царь «одним глазом смотрел на Италию, а другим – на заключение мира с Этолийским союзом, было ошибкой, которое сделало примирение сторон невозможным». В противоположность ему, Ф. Уолбэнк считает⁵ вторжение в Этолию эффективной кампанией, свидетельствующей о росте полководческих способностей царя. Н. Хэммонд вообще называет⁶ этот поход «очевидным мероприятием».

Как было сказано выше, для вторжения македонян в Этолию сложились весьма благоприятные условия. Военные способности Филиппа в этот сезон проявились ярко. Он продумал стратегию этой кампании, его действия нельзя назвать спонтанными. Более того, нанесение удара по столице противника во все времена считалось залогом победоносной войны. Вполне обоснованно выглядит и версия Ф. Уолбэнка⁷ о намеренном жестоком поведении царя в Ферме. Эта акция была призвана вынудить этолийцев принять продиктованные им условия мира. Поэтому мы не станем останавливаться на военной стороне этого предприятия, обратимся к обвинениям в адрес Филиппа по поводу столь варварского грабежа в Ферме.

Полибий приводит официальное оправдание такому поведению – месть за разорение этолийцами святилищ в Дионе и Додоне, при этом ахейский историк подчеркивает изменения, произошедшие в характере царя под дурным влиянием Деметрия Фарского (Polyb. VII. 14. 3). Конечно, идеологическое обоснование такому поступку должно было быть, и, с точки зрения македонян, они поступили вполне справедливо. Как этолийские предводители – Скопас в Дионе и Доримах в Додоне – жгли портики, уничтожали священные предметы, опрокидывали изо-

⁴ Tarn W.W. The Greek Leagues and Makedonia // САН. 1928. Vol. 7. P. 767.

⁵ Walbank F. Macedonia and the Greek Leagues // САН². 1984. Vol. 7. P. 478.

⁶ Hammond N.G., Walbank F.W. A history of Macedonia... P. 380.

⁷ Walbank F.W. Philip V of Macedon. Cambr., 1940. P. 55.

бражения царей (Polyb. IV. 62. 2; 67. 3), так и Филипп поступил в Ферме. Вопрос в данном случае в другом: является ли разгром Ферма одним из проявлений падения религиозных чувств греков?

Греческая история IV–III вв. до н.э. пестрит примерами упадка нравов. На первый план вышло равнодушие к гражданскому долгу, угодничество, продажность. Хорошо известны примеры необычайной лести афинян перед Деметрием Полиоркетом и Антигоном Одноглазым⁸. Когда Фламиний в 197 г. до н.э. обнаружил некоторую снисходительность к Филиппу, этолийцы могли объяснить этот поступок только подкупом римского полководца (Polyb. XVIII. 34. 7). После неудачной атаки на Аргос с целью освобождения города от тирании ахейцы устроили Немейские игры в Клеонах. Но и аргивяне тоже устроили игры. Тогда ахейцы нарушили неприкосновенность участников соревнований, так как всех, кого задержали на обратном пути из Аргоса на ахейских землях, они рассматривали как врагов и продавали в рабство (Plut. *Arat.* 28). Полибий жалуется на бесчестность должностных лиц, заведующих общественными делами (VI. 56. 13). Ликург в Спарте за пять талантов, розданных пяти эфорам, купил царское достоинство и генеалогию от Геракла (Polyb. V. 35. 14–15).

Греческие политики III в. не брезговали прибегать к подкупу противника, хотя в прежние времена с негодованием обвиняли в этом македонян. Еще Демосфен яростно обличал нравственное состояние общества перед лицом внешней опасности. Он указывал, что отдельные лица, военные и политические лидеры, обогащаются, тогда как государство в целом беднеет (Dem. III. 25–26, 31; IX. 39; XIII. 20, 30, 36). Такая ситуация создавала благоприятные условия для деятельности македонского царя Филиппа II, подкупавшего политиков. Действительно, Филипп когда-то говорил, что ни одна крепость не устоит перед ослом, груженным золотом (Plut. *Mor.* 178 b). В III в. подкуп широко использовали не только македоняне; ахейский стратег Арат, которого Полибий считает лучшим образцом политического деятеля⁹, неоднократно прибегал к этому средству для достижения своей цели. Примечательна история с захватом Акрокоринфа. Тогда Арат имел дело с ворами, ему помогали люди, похитившие царское золото (Plut. *Arat.* 18). Кроме того, Арат обещал одному из сирийцев – наемников

⁸ Почести, которые были оказаны им освобожденными городами, можно назвать чрезмерными: золотые статуи Антигону и Деметрию были установлены возле статуй Гармония и Аристогитона, им подарили короны в 200 талантов стоимостью, к десяти традиционным филам прибавились еще две – «Антигониды» и «Деметриада», было постановлено ежегодно устраивать игры, процессии и жертвоприношения в их честь, портреты их были вышиты на покрывале, посвященном Афине (Diod. XX. 46. 2–3; Plut. *Demet.* X).

⁹ Полибий представляет его читателю как мудрого государственного мужа, способного предвидеть последствия тех или иных политических действий, когда результат их еще никому не был ясен (*Eckstein A.M. Polybius, Demetrius of Pharus, and the Origins of the Second Illyrian War // CPh. 1994. Vol. 89. No. 1. P. 53; Chrimes K.M. Ancient Sparta. A reexamination of the evidence. Manchester, 1949. P. 3).*

из гарнизона Акрокоринфа Диоклу и его брату Эргину в случае удачи по 60 талантов каждому, в случае провала – дом и по 1 таланту денег (Plut. Arat. 19). Когда он не смог выбить македонский гарнизон в Пирее, то купил вывод македонских сил у командира гарнизона Диогена, заплатив ему 150 талантов, при этом 20 талантов дал лично Арат (Plut. Arat. 34).

Нападение на святилища перестали быть чем-то экстраординарным. Когда в конце IV в. фокидяне напали и захватили храм в Дельфах (Just. 8. 1. 8), взяли золото и наняли на него армию (Just. 8. 1. 9), их назвали святотатцами и объявили им Священную войну, а в III в. подобные нападения вызывали лишь возмущение. Этолийцы в период борьбы диадохов захватили земли Кирры, которые были посвящены Аполлону (Just. 24. 1. 4). В речи акарнанского посла Ликиска, обращенной к спартанцам, перечислены нападения на некоторые святилища: «Тимей ограбил святилище Посейдона на Тенаре и святилище Артемиды в Лусах, Фарик расхитил святыню Геры в Аргосе, Поликрат святыню Посейдона в Мантинее. А что сказать о Латтабе и Никострате? Разве они в мирное время не нарушили всенародного праздника беотян и не вели себя при этом как скифы и галаты?» (Polyb. IX. 34. 8–11). Доримах, сын упомянутого выше Никострата (Polyb. IV. 3. 5) ограбил храм Артемиды в Лусах (Polyb. IV. 18. 9–12; 19. 4). Скопас в Дионе¹⁰ сжег прилежавшие к храму портики, уничтожил священные предметы. По возвращении в Этолию народ не только не признал его нечестивцем, но взирал на него, как на доблестного мужа (Polyb. IV. 62).

Моралистические замечания Полибия о том, как должен был поступить Филипп, едва ли следует принимать во внимание, если подобная практика мести давно существовала. Даже Арат, благородные качества которого историк постоянно превозносит, не препятствовал действиям царя. Причина его молчания кроется, вероятно, в том, что он и сам иногда нарушал греческие обычаи. Так было в конце Клеоменовой войны, когда, взяв Мантинею с помощью войск Антигона, ахейцы казнили самых первых и видных граждан, а остальных продали. При этом оправданием им служил закон возмездия, т.к. незадолго до этого жители города предали с помощью спартанцев стоявший в их городе ахейский гарнизон (Plut. Arat. 48). Характерно, что Полибий, говоря об этом инциденте (II. 58), оправдывает ахейцев, приписывая все кровавые подробности выдумкам Филарха. Подобные заявления основаны лишь на общей дидактической¹¹ концепции историка, на поучительном примере противопоставления благородного и низменного поведения личности. Полибий противопоставляет поведе-

¹⁰ Святилище Зевса в Дионе было древнейшей македонской святыней (Just. 24. 1. 8).

¹¹ Следует помнить, что историческое произведение должно формировать у читателя определенное суждение о происходящем. Это, в свою очередь, зависит от объяснений историком причин происходящего, намерения действующих лиц и их споров. Подробнее об этом см.: Самохина Г.С. К методологии исторического исследования в эпоху эллинизма: понятие аподейктической истории у Полибия // Методология и методика изучения античного мира. М., 1994. С. 114 сл.

ние Филиппа V в Ферме действиям других царей-победителей (V. 9–12). Так, Антигон Досон обошелся со спартанцами милосердно после сражения при Селассии, а Филипп II не раз демонстрировал грекам мягкость и человечность после одержанных побед. Филипп V не следовал этим примерам, он руководствовался «импульсивной страстью» вместо того, чтобы завоевать врага великодушием и благочестием¹². Полибий в данном случае явно увлекается: войны эллинистического периода отличались жестокостью и вероломством, а не великодушием и мягкостью. В целом можно согласиться со справедливым замечанием Н. Хэммонда, высказанным по поводу разгрома Фив Александром: «сначала подстрекая Фивы, потом напав на них и проголосовав за их разрушение, греки показали, что они утратили те принципы и гуманность, которые были характерны для них с начала столетия»¹³.

Однако все приведенные выше свидетельства нельзя однозначно трактовать как свидетельства снижения религиозных чувств греков и македонян. Священные места Греции в III в. не существовали вне сообществ – городов или федераций. В бесчисленных конфликтах они часто становились объектами атак, но нападавших привлекала не только добыча. Разграбление святилищ могло интерпретироваться в духе софистов как знак, что боги оставили данное объединение, федерацию или город¹⁴. Для Филиппа разгром Ферма не являлся актом кощунства против Аполлона, он нанес удар по федеральному центру врага. Вероятно, этолийцы, грабя другие храмы, тоже находили для себя достойное оправдание.

Однако если разгром Ферма не является свидетельством морального разложения македонян, то следует отметить и экономические причины вторжения. Не следует забывать основное правило войны – солдаты содержатся за счет земель противника. Нужно принять во внимание тот факт, что планы Филиппа, связанные со строительством флота и морских баз, появившиеся в ходе Союзнической войны, а также неудачная операция на Кефалении должны были негативно сказаться на материальной стороне кампании. И это несмотря на то, что ахейское собрание приняло в начале года решение обеспечивать войско Филиппа деньгами по 17 талантов ежемесячно пока он будет находиться в Пелопоннесе и вести войну (Polyb. V. 5. 11–12). Кроме этого ему была предоставлена разовая выплата в размере 50 талантов, чтобы заплатить войску жалованье за 3 месяца. Речь, видимо, идет о зимней кампании в Пелопоннесе 219/8 г., поэтому полученные средства были сразу израсходованы. Что касается остальных выплат, то оговорка об условии их получения – боевые действия в Пелопоннесе – означала, что операции на Кефалении и в Этолии оплачивались не из этого источника.

Примечателен и тот факт, что при разгроме Ферма Полибий упоминает о хранившихся «в портиках» многочисленных комплектах вооружения, из которых македоняне более 15 000 уничтожили, а «самые

¹² Chaniotis A. War in the Hellenistic world: a social and cultural history. Oxf., 2005. P. 170.

¹³ Хэммонд Н. История древней Греции. М., 2003. С. 633.

¹⁴ Chaniotis A. War in the Hellenistic world... P. 157.

дорогие» унесли с собой (Polyb. V. 9. 2–3). По мнению С.К. Сизова¹⁵, такое количество оружия не могло быть просто трофеями, посвященными богам, это был союзный арсенал. Конечно, возникает вопрос, смог ли македонский правитель поправить свои материальные затруднения за счет продажи трофеев из Ферма. К сожалению, никаких точных сведений на этот счет нет. Есть косвенное свидетельство о недовольстве, возникшем при разделе добычи, упомянутое Полибием (V. 25. 1–3) в контексте мятежа Апеллеса в конце кампании 218 г. Возможно, несправедливый раздел захваченного как раз и отражает попытку македонского царя возместить таким, несколько неблагоприятным, способом свои затраты на эту кампанию.

Как сообщает Полибий (Polyb. V. 9. 2–3), македоняне взяли то оружие, которое было дороже их собственного, предположительно, намного дороже. О стоимости македонского вооружения в то время мы располагаем лишь косвенными данными: известен размер штрафа, предусмотренный в армии Филиппа за потерю того или иного снаряжения. В сохранившихся разделах регламента военной службы предусмотрены следующие штрафы: рядовые, например, платят 3 обола за сариссу, 3 обола за кинжал, 2 обола за поножи, 1 драхму за щит, офицеры за то же вооружение платят вдвойне, кроме того, 2 драхмы за панцарь и драхму за полупанцарь (ISE. 114. В I. v. 1–9). Грубый подсчет показывает, что за офицерское снаряжение требовалось заплатить около 6–7 драхм. Конечно, штраф не отражает реальной стоимости комплекта вооружения, неизвестно также во сколько раз он ее превышает. Возможно, воин, потерявший что-то из снаряжения, должен был оплатить и стоимость потери, и штраф.

Можно сопоставить штраф с размером заработной платы воинов. Сохранилась фрагментарная аттическая надпись, в которой дана норма оплаты гипаспистов Александра (IG². I. 329. v. 9–10). В ней ясно можно разобрать, что гипаспист получал драхму в день: ὑπασπιστῆι δραχμῆν καὶ τοῖς ... | ἐκάστης ἡμέρας. По мнению Гриффита, оплата наемника при Александре составляла примерно 3–4 обола в день и продуктовый паек¹⁶. После Восточного похода Александра в Средиземноморье деньги стали дешевыми, цены повысились, соответственно выросла и заработная плата. Эпидаврская надпись (SVA. III. 446. v. 95 sqq), содержащая договор Коринфской лиги Антигона и Деметрия (302 г. до н.э.), сохранила штрафы, которые должны были платить города, если были не в состоянии предоставить солдат в союзную армию: ... ἀ[π]ο[πι]ν[έ]τω ἐκάστης ἡμέρας [– κατὰ μὲν] τὸν ἰππέα ἡμι[μ]ναῖον, κατὰ δὲ τὸν ὀπλί[την] εἴκοσι δραχμῶς – κατὰ [δὲ τὸν ψιλὸν] δέκα δραχμῶς... Если принять во внимание, что штраф в десять раз превышал оплату воина, то гоплит в 302 г. до н.э. должен был получать 2 драхмы в день, всадник – 5 драхм, а легковооруженный воин – 1 драхму. Договор Антигона Досона и Гиерапитны 228 г. до н.э. предусматривает 1 драхму в день как оплату критского солдата¹⁷. А в ис-

¹⁵ Сизов С.К. Указ. соч. С. 68. Прим. 5.

¹⁶ Griffith G.T. The Mercenaries of the Hellenistic World. Chicago, 1984. P. 298.

¹⁷ Griffith G.T. Op. cit. P. 303.

следуемый период, в 218 г., когда армия Филиппа V находилась в Пелопоннесе, союзные ахейцы согласились выплатить царю 17 талантов в месяц на содержание его 6 000 воинов и 1 200 наемников, что дает примерно в день 3 обола любого стандарта. Низкая средняя заработная плата воина, вероятно, зависела от того, что наемники Филиппа были варварами, которые стоили дешевле греческих солдат. Поэтому, возможно, собственно македонские воины могли получать примерно драхму в день. Однако следует учитывать и тот факт, сколько можно было купить на эти деньги. Поскольку нет сведений, что воины остались недовольны такой платой, возможно, они получили не меньше, чем квалифицированный рабочий других профессий¹⁸.

В таком случае предусмотренные в военном регламенте штрафы за потерю части македонского снаряжения были довольно низкими и необременительными для воинов. В Ферме, вероятно, было похищено гораздо более дорогое вооружение. К сожалению, не представляется возможным выяснить точное количество захваченного и во сколько оно оценивалось. Однако следует учесть, что не вся добыча принадлежала македонскому царю, часть ее получали воины, участвовавшие в походе. Следовательно, даже если сумма, полученная македонянами после продажи добычи была значительной, существенной материальной выгоды от продажи захваченного вооружения царь не извлек. Уместно вспомнить, что македоняне разграбили не только арсенал, но и дома, забрав или уничтожив все самое ценное (Polyb. V. 8. 5–9). Однако не представляется возможным утверждать, что сумма от продажи захваченного была более 17 талантов, необходимых царю для содержания его армии в течение одного месяца (Polyb. V. 5. 11–12). Учитывая, что с начала военного сезона прошло более месяца, полученных средств едва ли хватило на покрытие всех издержек этой кампании.

Можно с уверенностью говорить о существовании материальных затруднений у македонского царя. Следует принять во внимание слабую сторону армии Филиппа: она не была рассчитана на затяжную войну (Plut. *Flamin.* 2). Длительное содержание таких сил неблагоприятно сказывалось на экономическом состоянии государства и ставило царя в некоторую зависимость от помощи союзников. Полибий упоминает о финансовых проблемах Филиппа вскользь, пересказывая изменнические письма Мегалея к этолийцам (Polyb. V. 28. 4). Вполне естественно, что македонский царь, распродав богатую добычу (Polyb. V. 24. 10), лишь отчасти решил свои финансовые трудности за счет врага. Следовательно, решение своих материальных проблем можно считать скорее второстепенной целью данного предприятия.

Вполне допустимо предположение, что основная цель этой кампании была в стремлении нанести противнику не только моральный удар, который сломил бы его боевой дух. Гораздо удачнее с военной точки зрения, является та акция, которая рассчитана на подрыв экономической базы врага. Разгром Ферма имел серьезные последствия

¹⁸ На Делосе в III в. до н.э. разумный прожиточный минимум был примерно 2 обола в день. Подробнее сравнительные подсчеты см.: *Griffith G.T.* Op. cit. P. 308 ff.

для этолийской экономики. Во-первых, Филипп оставил этолийцев без резервного оружия, хотя это было не слишком важно для войскаополчения¹⁹.

Во-вторых, и это было гораздо существеннее, македонские воины разорили окрестности Ферма (Polyb. V. 8. 8–9). Сельская местность обычно несла самый значительный урон в ходе военных действий. Более того, сезон войны, с конца весны до конца лета, совпадал с периодом созревания урожая, который преднамеренно уничтожался врагом. Такая ситуация была характерна для многих греческих областей, но территория Этолии такому разгрому не подвергалась со времен Ламийской войны. Хотя македонское вторжение было недолговременным, воины Филиппа успели сжечь окрестности, собрать пропитание для себя и фураж для лошадей, а на обратном пути опустошили поля других этолийских городов (Polyb. V. 13. 9). Вероятно, были уничтожены и общественные склады²⁰, поскольку Полибий упоминает, что дома в Ферме вмещали в изобилии хлеб и другие припасы (V. 8. 4). Учитывая тот факт, что земледелие в Этолии не процветало, урон, нанесенный македонянами, вероятно, был ощутимым. Полибий ничего не сообщает о стадах скота, которые этолийцы ценили и неоднократно похищали в ходе нападения на другие области. Можно лишь предположить, что, отступая с арьергардными боями, армия Филиппа едва ли вела с собой скот.

В-третьих, не следует забывать, что кроме сельских территорий пострадали и крепости. В частности, Памфий был сожжен, Метапа разрушена до основания (Polyb. V. 13. 7–8). Эти два города имели стратегическое значение: Метапа и Памфий прикрывали ущелье, через которое проходила узкая и опасная дорога на Ферм (Polyb. V. 7. 8–10; 8. 1). Этолийцы после вторжения македонян не могли чувствовать себя в безопасности и оставить этот путь без прикрытия. Крепости необходимо было отстраивать. Однако восстановление подразумевало значительные финансовые вложения. А. Ханиотис приводит любопытные свидетельства²¹. Для расширения городских стен колофонцы благодаря частным пожертвованиям собрали 200 000 драхм, поскольку строительство одной только башни оценивалось в 20 000 драхм. В начале III в. жители Оропа для строительства городской стены решили использовать все общественные деньги. Приведенные примеры позволяют предположить, что разрушение Метапы и Памфия не было спонтанным решением царя, он наносил точный удар по бюджету врага.

В-четвертых, по словам Полибия (V. 9. 2–3), македоняне уничтожили храмовые здания, которые были великолепно отделаны, стояли

¹⁹ Этолийцы почти не прибегали к услугам наемников и, видимо, не имели постоянного действующего отборного союзного войска. Военные действия этолийцы вели союзным ополчением, которое состояло из контингентов отдельных общин, имеющих свое своеобразное вооружение: Сизов С.К. Указ. соч. С. 59.

²⁰ Священный участок включал в себя группу храмовых строений, портики, тысячи статуй, огромное количество стел. Вокруг теменоса были дома, отчасти общественные склады, отчасти резиденции знатных родов: Сизов С.К. Указ. соч. С. 51.

²¹ Подробнее см.: Chaniotis A. War in the Hellenistic world... P. 116 ff.

большого труда и издержек. При этом они не просто поджигали то, что хорошо горело, но и сами стены ровняли с землей. Этолийцам предстояло отстраивать союзный центр. На восполнение уничтоженного им пришлось бы потратить значительные средства, поскольку помимо стоимости сырья нужно было предусмотреть затраты на оплату труда ремесленников.

Этолийский союз имел общую казну, куда общины вносили средства и отдавалась часть военной добычи²². Полибий не дает никаких указаний на то, попала ли она в руки македонян. В любом случае едва ли союзная казна была богата в то время. Дело в том, что временное прекращение пиратских действий после образования Эллинской лиги в 224 г. не позволяло пополнять казну добычей²³. Сезон 219 г. нельзя считать удачным для этолийцев с материальной точки зрения²⁴, тем более что их приобретения не шли ни в какое сравнение с теми потерями, которые понесли этолийцы во время разорения Ферма. К числу косвенных свидетельств недостатка средств в союзной казне можно привлечь более позднее упоминание Полибия о втором разгроме Ферма, учиненном македонянами в ходе первой римско-македонской войны. Ахейский историк пишет, что Филипп осквернил все святыни, которые оставил нетронутыми в первый раз (Polyb. XI. 7. 2). Однако он ничего не говорит о восстановленных зданиях, этот факт, пожалуй, можно объяснить тем, что они все еще не были отстроены к этому времени.

Нанесенный македонянами экономический ущерб ставил этолийское правительство в тяжелое положение. Чтобы решить бюджетные проблемы нужен был регулярный приток доходов. Однако введение экстраординарных налогов едва ли можно считать популярной среди населения мерой, налоги способствовали разорению и порождали не-

²² Сизов С.К. Указ. соч. С. 60.

²³ Любопытен тот факт, что этолийцы не входили в Эллинскую лигу и договор лиги формально не касался их. Тем не менее, они предпочитали соблюдать общее решение о запрете пиратства (Polyb. IV. 3. 8), вероятно, не желая войны со всей Эллинской лигой. Пока был жив Досон они, зная военно-морскую слабость Македонии, уважали, тем не менее, мощь ее сухопутной армии.

²⁴ В этот период были организованы этолийские набеги на Пелопоннес. Один из отрядов под командованием Александра, Архидама и Доримаха, насчитывавший 1200 человек с помощью измены занял Эгиру. Проникнув в город, этолийцы, предаваясь грабежам, забыли о дисциплине и о необходимости продолжать преследование врагов. Такая непредусмотрительность стоила им победы. Жители собрались на акрополе и ответным ударом вытеснили врага из города. При этом в сражении и давке при бегстве погибло много этолийцев, в том числе и двое предводителей – Александр и Архидам. Оставшиеся в живых с позором вернулись домой (Polyb. IV. 57–58). Гораздо успешнее действовал другой этолийский отряд, под командованием Эврипида. В его задачу входило опустошение Западной Ахайи. Основной удар приняли Дима, Фары и Тритея, чьи земли были разорены (Polyb. IV. 59–60). Одновременно с первыми ударами по ахейцам, этолийцы предприняли еще одно нападение в начале лета – на земли Фессалии и Македонии. Войско под командованием Скопаса собрало там обильную добычу (Polyb. IV. 62. 1–2).

довольство. Оставалось еще обращение к богатым гражданам или займы у правителей других эллинистических государств. Однако и эти пути имели обратную сторону: никто в III в. не давал субсидий безвозмездно. Стоит вспомнить инцидент с самым богатым человеком Этолии Александром, рассказанный Полибием (XXI. 26). Александр считался богатейшим человеком, имея состояние в 200 талантов (Polyb. XXI. 26. 9, 14). Направляясь в составе посольства к римлянам, он вместе с другими послами был захвачен эпирами, которые предложили освободить пленников за пять талантов с каждого (Polyb. XXI. 26. 8–9). Все попавшие в плен этолийцы были готовы заплатить, эта сумма не показалась им чрезмерно высокой (Polyb. XXI. 26. 10). Один лишь Александр отказался платить, заявив, что и одного таланта слишком много (Polyb. XXI. 26. 13). Если он проявил такую скупость, когда речь шла о его собственной жизни, то можно представить, насколько неохотно богачи расставались с деньгами, требуемыми на общественные нужды.

Тяжелое экономическое положение, во многом ставшее следствием вторжения Филиппа, проявилось через несколько лет. По условиям договора, заключенного по окончании Союзнической войны, этолийцы обязались соблюдать Общий Мир²⁵, что означало новое прекращение грабительских рейдов и перекрывало мощный источник пополнения средств. В годы первой римско-македонской войны Этолия была вынуждена вообще прекратить чеканку монет²⁶. Отражением этого кризиса стало обострение социальных отношений. Эти процессы привели к возникновению в Этолии социального брожения, которое развернулось под традиционными лозунгами отмены долгов. Около 204 г. до н.э., то есть после завершения первой римско-македонской войны, тяготы которой выпали на долю Этолии, долговой вопрос приобрел особую остроту, так что стратегам Скопасу и Доримаху было поручено разработать законы о кассации долгов, но в результате активного противодействия ростовщиков они не были приняты. Однако борьба затянулась на ряд лет (Polyb. XIII. 1; XXX. 2; Liv. 42. 4. 5). Любопытно указание Полибия (Polyb. XIII. 1), что Скопас и Доримах сами были обременены долгами. Этот факт во многом объясняет агрессивную политику союза, когда эти люди были у власти. Однако их нельзя называть демократическими лидерами, оба происходили из знатных се-

²⁵ Недаром после заключения мира в Навпакте этолийцы стали проявлять недовольство, как указывает Полибий, тем обстоятельством, что договор «отрезал им все пути добычи на стороне и отнял у них всякую надежду на будущее» (V. 107. 6). Поэтому, с нашей точки зрения, основным пунктом договора было не столько условие status quo (Polyb. V. 103. 7–8: Τὸ μὲν οὖν πρῶτον ὁ βασιλεὺς πάντας ἐξέπεμπε τοὺς ἡκοντάς παρὰ τῶν συμμάχων, κελεύσας ἐπὶ τοῦτοις προτείνειν τὴν εἰρήνην τοῖς Αἰτωλοῖς ὥστ' ἔχειν ἀμφοτέρους ἂ νῦν ἔχουσιν· δεξαμένων δὲ τῶν Αἰτωλῶν ἐτοίμως, τὸ λοιπὸν ἤδη περὶ τῶν κατὰ μέρος συνεχεῖς ἐγίνοντο διαποστολαὶ πρὸς ἀλλήλους...), тем более что территориальные изменения все таки имели место, а именно новая попытка установления Общего Мира в Греции, гарантом которого по-прежнему выступал македонский царь и его армия.

²⁶ Кошеленко Г.А. Греция и Македония эллинистической эпохи // Источниковедение по истории древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 94.

мей, а на радикальный законопроект, предложенный ими, вероятно, наложила отпечаток их личная заинтересованность.

Во время второй римско-македонской войны Скопас, находившийся на службе у Птолемея, прибыл на родину с «грудой золота», на которую на вербовал для египетского царя 6 тысяч пехоты и 500 всадников (Liv. 31. 43. 5–7). Характерно, что наемную службу предпочли рядовые граждане, а не зажиточные, служившие в коннице. Более того, Ливий утверждает (31.43.5–7), что Скопас почти всю молодежь мог увести, лишь вмешательство стратега Дамокрита остановило отток населения. Любопытно сравнение этих сил с теми, которые этолийцы предоставили Титу Фламинину. Согласно Плутарху (*Flamin.* 7), в войске Тита Квинция находилось 6 тысяч пехоты и 400 всадников, т.е. примерно столько же, сколько предпочли искать счастья на стороне. Столь большое число набранных наемников свидетельствует о глубоком социальном и экономическом кризисе, охватившем федерацию.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что вторжение и разгром Ферма в 218 г. были оправданы не только с военной, но и с экономической точки зрения. Был нанесен чувствительный удар по финансам Этолии, сказавшийся в полной мере через несколько лет и ставший залогом победы македонян и в следующей, первой римско-македонской, войне.

N.Yu. Sivkina

ROUTE OF FARM IN 218 B.C.: DECLINE OF CUSTOMS OR ECONOMIC ACCOUNT?

During Allied War of 220–217 B.C. macedonian king Phillip V has intruded in Aetolia and has crushed Farms - centre of Aetolian federation. Were ruined outskirts the Farm, plundered at home, arsons of temple structures, porticoes are organized, statues are broken. Polybius results the official justification to such behaviour - revenge for ruin aetolians sanctuaries in Dione and Dodona. Actions of macaedonians are not the certificate of falling of religiousness of the population. For Phillip route the Farm was not the certificate of blasphemy against Apollo, he has struck on the federal centre of the enemy. The basic purpose of intrusion was drawing a heavy loss to the budget of aetolians. In some years after end of Allied war economic consequences of route the Farm have resulted to disturbances inside Aetolia and to its defeat in following, the first roman-macedonian war.